

✦ ЕВГЕНИЙ ОЛЬХОВСКИЙ ✦

КАК

ВИКИНГ В ХРИСТИАНСКИЙ РАЙ ПОПАЛ

АРХИВ
№ 7.777.777

Дело №1084

Эйрик,
сын Торвальда

Дата прибытия:
неизвестна



Сектор:
РАЙ

Отдел:
ДУХОВНАЯ
АДАПТАЦИЯ

Инструмент:
АРФА

Код допуска:
α-7

ОТМЕТКИ КАНЦЕЛЯРИИ:

- ✓ Музыка - обязательно
- ✓ Драки - запрещены
- ✓ Попор - изъять
- ✓ Пьянство - ограничить
- ✓ Друг и наставник - найти



18+

Подпись:
ЕВГЕНИЙ ОЛЬХОВСКИЙ

Евгений Ольховский

**Как викинг в
христианский рай попал**

«Автор»

2026

Ольховский Е.

Как викинг в христианский рай попал / Е. Ольховский —
«Автор», 2026

С нормальными викингами всё всегда было по регламенту: честно схлопотал топором в приличной драке — добро пожаловать в Вальхаллу, на вечный банкет к Одину и подготовку к Рагнарёку. Эйрик этот план даже перевыполнил. Он исправно ходил в походы, красиво побеждал, ни разу не включал заднюю передачу перед лицом врага и был на сто процентов уверен, что распределительный навигатор выдаст ему правильную путёвку. Но, открыв глаза после своей последней битвы, обнаруживает себя... в христианском Раю, где совершенно другие правила. Решать вопросы старым добрым топором не положено по уставу, а вместо боевых рогов звучат арфы. Безупречная система категорически не была рассчитана на викинга, у которого напрочь отсутствуют тормоза. Здесь искромётный юмор переплетается с эпическим размахом, а небесная бюрократия и харизматичные герои превращают историю в невероятное приключение. Ведь одни приходят в мир, чтобы жить по его законам, а другие — чтобы однажды стать Архитекторами Новых Миров.

© Ольховский Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ворота Рая	5
Глава 2. Обучение игре на Арфе	11
Глава 3. Это какой-то ад, а не Рай!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Евгений Ольховский

Как викинг в христианский рай попал

Глава 1. Ворота Рая

У сияющих ворот Рая стоял здоровенный, покрытый шрамами бородатый викинг с тяжеленным боевым топором за спиной. Он растерянно чесал затылок, тщетно пытаясь понять, каким образом после славной и героической смерти в бою он очутился в месте, где всё вокруг выглядело чистым, благостным и совершенно не пахло привычным дымом костров или жареным мясом.

Навстречу ему неторопливой походкой вышел апостол Пётр, бережно держа в руках такую огромную и массивную книгу, что ею при надобности можно было без труда уложить небольшого тролля. Привратник внимательно посмотрел на гостя поверх тяжелых страниц и коротко спросил:

— Имя?

— Эйрик, сын Торвальда.

Пётр принялся долго и дотошно перелистывать пергамент, что-то сверяя в своих записях и тихонько хмыкая себе под нос, после чего удовлетворённо кивнул и буднично произнёс:

— Хм... Да, есть такой в списках. Проходи.

Викинг удивлённо моргнул, ещё раз недоверчиво оглядел сверкающие створки и только после этого осторожно уточнил:

— Куда именно проходить?

— В Рай, разумеется.

— В какой ещё Рай? — возмутился северянин. — Я вообще-то прямиком в Вальгаллу шёл, к Одину!

Пётр лишь благодушно пожал плечами, подобные логистические накладки происходили в небесной канцелярии едва ли не ежедневно.

— Видимо, навигатор миров снова чудит и выдал сбой на развилке.



Эйрик всплеснул руками и зашагал перед воротами, едва сдерживая клокочущую праведную ярость:

— Да как так-то? Я же чистокровный викинг! Я всю жизнь без удержу сражался, плавал через штормовые моря, грабил прибрежные земли, исправно отправлял врагов к праотцам и

пьянствовал так, что скальды уставали слагать песни. Да я монастыри ваши со всеми монахами жёг, женщин без разбору насиловал...

На последних словах он неожиданно заёжился, нахмурился и неуверенно поскрёб густую бороду, сбавляя тон.

— Хотя... насчёт последнего утверждать со стопроцентной уверенностью не возьмусь. После пункта «пьянствовал» воспоминания обычно становятся весьма туманными и приблизительными. Могу и напутать чего... может, это вообще ваши монахи были, у вас там пойдёшь разбери в дыму да в рясах.

Лёгкая усмешка сама собой появилась на лице апостола. Ему, конечно, не часто, но всё же приходилось встречать суровых северян у этих ворот, так что подобные бурные исповеди в самых разных интерпретациях он уже слышал. Далеко не всегда их имена действительно красовались в райской книге, ведь распределительная система порой вела себя как компас в мощном магнитном поле. Именно поэтому здесь вёлся строжайший учёт, за который отвечали праведники с безупречной земной репутацией, либо те, чьи Весы Судьбы лишь на самую крохотную капельку добрых дел перевесили в сторону светлой обители, не позволив им отправиться на раскалённые сковороды Ада.

У викингов же имелась одна забавная черта: они никогда не соглашались добровольно войти в Горние обители, упрямо требуя развернуть их в сторону чертогов Одина. Получив же от Петра заветное направление — которое обычно представляло собой обыкновенную небрежную отмашку в любую случайную сторону — они с радостными криками убегали вприпрыжку, размахивая над головой оружием. А через пару дней какой-нибудь дежурный ангел обязательно докладывал на летучке, что очередного татуированного северянина видели блуждающим уже совсем в другом секторе вечности, и вся Небесная Канцелярия удивлялась, как он смог туда попасть.

Пётр снова заглянул в свои записи и совершенно продолжил читать:

— Зато ты в одиночку спас тонущих в шторм рыбаков, на свои деньги построил прочный мост через бурную реку, безвозмездно кормил сирот после затяжного неурожая, никогда в жизни не бросал доверившихся тебе людей и трижды возвращался в самое пекло за ранеными товарищами, хотя по всем законам войны вполне мог этого не делать.

Эйрик лишь смущённо повёл массивными плечами.

— Ну так это же абсолютно нормально для честного воина.

— Для тебя нормально, — согласился привратник, — а для нашей канцелярии каждая такая спасённая жизнь идёт весомым плюсом в карму. И, как сам видишь, этих плюсов в итоге набралось больше.

Апостол сделал короткую паузу, внимательно сверяя итоговые цифры на полях.

— Не то чтобы с огромным перевесом, но всё-таки чаша весов склонилась в нашу сторону.



Викинг задумчиво потёр подбородок, всё ещё колеблясь на пороге. Пётр с интересом наблюдал за ним, ожидая от очередного претендента из Скандинавии требования указать ему направление в Вальгаллу. Но этот воин на удивление задал другой вопрос...

— А Один там у себя, в Асгарде, не обидится за такой ммм переход?

Апостол хотел ответить что-то очень умное, но тут же неподалёку, прямо над их головами, раздался знакомый, раскатистый и до боли родной бас, который Эйрик привык слышать в своей голове каждый раз, когда шёл в яростную атаку, штурмовал неприступные крепости или удерживал свой драккар носом против гигантской волны:

— Да пусть остаётся, одним дружинником больше, одним меньше

Обернувшись на голос, они увидели седого одноглазого старика, который весьма по-хозяйски расположился на пушистом белом облаке. Он лениво потягивал хмельной мёд из огромного резного рога и выглядел так, будто просто заглянул в этот сектор на обеденный перерыв.

— Один?! — изумлённо выдохнул Эйрик, едва не выронив оружие.

— Один, Один, он самый, — добродушно проворчал старик.

— Но ты же должен ждать меня в чертогах Вальгаллы за накрытым столом!

— Слушай, Эйрик, ты даже близко не представляешь, как смертельно надоедает эта Вальгалла, когда несколько столетий подряд каждый божий день начинается с кровавой драки, продолжается бесконечным пиром и заканчивается одними и теми же песнями, которые ты за тысячи лет выучил наизусть до последнего слова. Здесь у них хотя бы тихо, кормят прилично и совершенно бесплатно, и при этом никто не пытается с утра пораньше ткнуть тебе в лицо оружием, чтобы доказать, будто его топор заслуживает больше уважения, чем твой.

Пётр деликатно, но настойчиво кашлянул, напоминая о своём присутствии.

— Вообще-то, посещение нашей территории представителями других языческих пантеонов внутренними правилами и регламентом не предусмотрено.

— А я вообще не из вашей мифологии, — абсолютно невозмутимо парировал Один, делая очередной внушительный глоток из рога. — Так что все ваши должностные инструкции действуют на меня примерно так же, как мои священные руны на ваших земных бухгалтеров.

Эйрик ещё раз перевёл взгляд с сияющих райских ворот на развалившегося на облаке Одина, затем снова посмотрел на ворота и наконец решился озвучить то, что волновало его душу сильнее всего:

— А выпить-то здесь хоть иногда дают?

— Исключительно в разумную меру, — степенно ответил Пётр.

— Ладно. А подраться ради разминки можно?

— Категорически нет.

— Что, совсем-совсем нельзя? Ни единого разочка?

— Совсем. У нас тут абсолютный мир и покой.

Викинг тяжело, сокрушённо вздохнул, словно прямо в это мгновение навсегда расстался с лучшими и самыми весёлыми годами своей бурной жизни.

— Эх, ладно... Считай, уговорили. Попробую эту вашу новую жизнь, побуду для разнообразия законопослушным и культурным человеком, — на обычно непроницаемом лице апостола Петра отразилось крайнее изумление.

А Викинг уже решительно перешагнул через порог и скрылся в сиянии райского сада.

— Ты главное получи там удовольствие, Сынок, желательно по максимуму, — напутствовала его вслед Всеотец павших, пряча хмельную улыбку в бороду.

Однако не прошло и десяти минут, как со стороны цветущих аллей донёсся такой яростный, громоподобный вопль, что несколько ангелов от неожиданности сбились с праздничного хора, а один особенно впечатлительный херувим едва не выронил свой золотой нимб:

— ЧТО ЗНАЧИТ «ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ДНЕВНЫЕ ЗАНЯТИЯ НА АРФЕ»?! Я ДЛЯ ЭТОГО, ПО-ВАШЕМУ, СОРОК ЛЕТ С БОЕВЫМ ТОПОРОМ ПО МОРЯМ ХОДИЛ?!

Услышав возмущения, Один зашёлся таким оглушительным смехом, что едва не свалился со своего облака на расстилавшиеся внизу луга.

— Я же говорил тебе, Пётр, это благословенное место создано далеко не для викингов, — сквозь слёзы выдохнул верховный бог, утирая единственный глаз.

— Через уроки музыки у нас проходят абсолютно все новоприбывшие души, без исключений для ветеранов набегов, — с максимально серьёзным и непроницаемым видом ответил апостол.

— Ага, и добрая половина из них после первого же дня обучения сама на коленях просится перевести их в чистилище, — ухмыльнулся Один.

Пётр лишь молча вздохнул, привычно сунул потяжелевшую книгу подмышку и неторопливо направился обратно за ворота, к своему рабочему месту. Где-то в глубине райских кущ Эйрик уже вовсю пытался выяснить у дежурных ангелов, как можно официально заменить хрупкую арфу на громогласный боевой рог, горячо доказывая испуганному комитету по встрече, что даже игра на гигантских барабанах будет куда эффективнее для очищения суровой северной души, чем изучение этих деликатных струнных инструментов.

Один снова весело усмехнулся в окладистую бороду, предвкушая грядущие перемены.

— Чую я, весёлые времена в вашем тихом Раю только начинаются.

С этими словами он развернул своё облако и отправился обратно в родные Чертоги Валькирий, оставив апостола Петра в одиночку разбираться с первым в истории христианских небес викингом, который судя по всему твёрдо вознамерился реформировать устоявшуюся программу музыкального образования.

Глава 2. Обучение игре на Арфе

Уроки музыки давались Эйрику с колоссальным трудом вовсе не потому, что он был обделён умом, а скорее из-за того, что за свою бурную земную жизнь он в совершенстве научился управлять драккаром в штормовом бушующем море, уверенно вести людей через обледенелые горные перевалы и с первого взгляда безошибочно определять, в какой именно из прибрежных деревень живёт самый зажиточный староста. Однако все эти бесценные практические знания совершенно не помогали ему в затяжной и изнурительной борьбе с арфой, которая с самого первого дня казалась суровому северянину изощрённым предметом, созданным высшими силами исключительно для издевательства над честными воинами.

Инструмент в его руках ощущался слишком лёгким, изящным и хрупким. В суровом понимании Эйрика любая хорошая, достойная уважения вещь обязана была либо эффективно рубить врага, либо хотя бы безболезненно выдерживать прямой удар боевым топором, а это струнное музыкальное недоразумение не соответствовало ни одному из перечисленных критериев.

— Не натягивай ты струну с таким неистовым рвением, словно пытаешься выстрелить из тугого лука или вырвать её из корпуса с корнем, — в сотый раз терпеливо объяснял святой Генезий, поудобнее устроившись рядом со своим необычным учеником на мягкой облачной скамье. — Божественная музыка требует от исполнителя прежде всего деликатности.

— Твоя деликатность, — недовольно проворчал в ответ Эйрик, осторожно, едва дыша, трогая тонкую жилу своим огромным мозолистым пальцем, — это когда вражину бьют по кумполу не тяжёлым обухом, а аккуратно прикладывают деревянной рукоятью?



За три недели непрерывных занятий несчастный Генезий так и не сумел до конца понять, шутит ли этот неотёсанный великан или же говорит со стопроцентной серьёзностью, а потому со временем предпочёл просто не задумываться над подобными вопросами слишком глубоко, дабы сберечь остатки душевного покоя.

Неподалёку, под сенью раскидистой яблони, которая каким-то совершенно необъяснимым ботаническим образом росла и плодоносила прямо из пушистого белого облака, по-хозяйски расположился святой Николай. С видом увлечённого человека, случайно обнаружившего в монастырской библиотеке редкую запретную книгу, он с неподдельным интересом изучал изъятый у викинга топор. Оружие мирно покоилось у него на коленях, а святитель медленно и бережно проводил пальцем по высеченным на лезвии древним скандинавским рунам, словно собирался вынести авторитетное профессиональное заключение о качестве работы безвестного кузнеца.

— А ведь хорошая, добротная вещь, — наконец уважительно произнёс он, взвесив топор в руке.

— Ещё бы не хорошая! С ним ещё мой покойный дед в заморские походы ходил, — с гордостью отозвался Эйрик, не отрываясь от струн.

— Баланс у него просто отличный, надо признать.

— Угу.

— Да и сталь, я погляжу, замечательная, ни единой зазубрины.

— Угу.

Лишь спустя добрых полминуты до сосредоточенного игрой на арфе разума викинга наконец-то добрался истинный смысл происходящего на поляне. Он резко замер и уставился на чудотворца:

— Погоди-ка... а почему мой боевой топор вообще сейчас находится у тебя в руках?

Святой Николай поднял на него глаза с таким искренним, кристально чистым удивлением, что его актёрскому мастерству позавидовал бы любой искушённый деревенский мошенник.

— Твой? Ты уверен?

— Именно мой, я его из тысячи ополовиненных черепов узнаю.

— Странно, очень странно... а я почему-то в простоте душевной решил, что он здесь общественный.

— Общественный боевой топор в райских куцах?! — Эйрик даже опешил от такой трактовки.

— Ну, в Раю вся земная собственность весьма условна и эфемерна, — кротко пояснил Николай.

— Зато топор у тебя на коленях лежит вполне себе конкретный и осязаемый!



Святой Генезий обречённо прикрыл лицо ладонью и тихонько застонал, поскольку подобные теологические дискуссии уже давно превратились в привычную и самую утомительную часть его педагогической деятельности. За последний месяц многострадальное оружие Эйрика

успело бесследно исчезнуть ровно семь раз, и каждый раз оно неизменно находилось в каком-нибудь совершенно неожиданном и неподобающем месте.

Однажды его случайно обнаружили в дальней библиотеке под стопкой пыльных богословских трактатов, в другой раз он загадочным образом оказался в руках у архангела Михаила, который с полной и неподдельной искренностью уверял небесную канцелярию, что приобрёл это великолепное изделие абсолютно законным путём, выменяв его у какого-то херувима на три кувшина старого мёда и древнюю медную монету с дыркой посередине. Ещё один курьёзный случай комиссия по небесному порядку и вовсе предпочла великодушно не заносить в официальный отчёт, поскольку никто из свидетелей так и не сумел убедительно объяснить, каким образом грозное оружие северных морей почти сутки беззвучно пролежало в закрытом хранилище Херувимских колоколов.

Хуже всего во всей этой затянувшейся мистике было даже не то, что законное имущество воина постоянно куда-то улетучивалось, а то, что каждый новый временный обладатель инструмента войны выглядел настолько честным, благообразным и святым человеком, что напрямую обвинить его в банальной краже становилось как-то даже неловко и жутко неудобно.

— Я, между прочим, по своей земной должности вообще отвечаю за то, чтобы люди не воровали и не поддавались искушениям, — с великим достоинством заметил Николай, аккуратно поглаживая топориче.

— Тогда почему моё личное оружие раз за разом оказывается именно у тебя под полкой?

— Исключительно ради профилактики и сохранения общего баланса.

— Для какой ещё, к лешему, профилактики?!

— Ну посуди сам: если топор временно заберу я чистый душой и помыслами, то никто другой, более искушаемый уже гарантированно его не украдёт.

Предложенная святым логика была настолько безупречно нелепой и вывернутой наизнанку, что викинг несколько секунд просто молча открывал и закрывал рот. Он отчаянно пытался сообразить, слышит ли он сейчас тонкую божественную иронию от святого, или же перед ним только что на полном серьёзе изложили официальную небесную методику борьбы с имущественными преступлениями.

— По-моему, почтенный, ты как-то совершенно неправильно и превратно понимаешь свои служебные обязанности.

— Не исключено, — ничуть не обидевшись, легко согласился Николай. — Зато статистика по краже топоров у меня в секторе держится просто превосходная. За всё время моего здешнего служения ни один человек ещё не пожаловался на то, что его любимый топор умудрились украсть дважды одновременно.

Викинг тихо застонал от бессилия, пытаясь понять райскую статистику...

Вся эта ситуация с арфой раздражала Эйрика ещё сильнее, потому что каждый раз, когда он нехотя брал её в руки, в его памяти неизбежно всплывала старая история, начавшаяся с нелепого решения людей, искренне убеждённых, будто они лучше всех на свете понимают, что именно требуется окружающим для полного счастья.

Уже после прибытия в Рай выяснилось, что обязательные музыкальные занятия не были ни чьей-то злой шуткой, ни досадной канцелярской ошибкой, ни изощрённой попыткой небес отомстить ему за бурную и греховную молодость. Каждый без исключения новоприбывший в обязательном порядке проходил утверждённую программу духовной адаптации, придуманную в те незапамятные времена, когда ангелы ещё всерьёз полагали, будто высокое искусство способно мгновенно смягчить любой дикий нрав, а одна хорошая, чистая мелодия приносит душе гораздо больше осязаемой пользы, чем сотня скучных нравоучительных бесед.

За прошедшие столетия первоначальная светлая идея успела обрасти таким колоссальным количеством циркуляров, подпунктов, методических рекомендаций и обязательных к исполнению приложений, что даже высшие архангелы старались держаться от этой системы как

можно дальше. Они благоразумно перепоручили всю работу профильным комиссиям, которые с необычайной серьёзностью изучали характер, земные привычки, скрытые способности и прочие ментальные особенности очередной прибывшей души, после чего выносили окончательный, не подлежащий обжалованию вердикт о направлении её дальнейшего духовного развития.

Именно в результате работы этой неумолимой машины Эйрик и оказался распределён в ансамбль райского фольклора на отделение струнных инструментов.

Все его яростные попытки добиться внятных объяснений от начальства неизменно заканчивались одинаково. Каждый новый чиновник в светлых одеждах принимался пространно рассуждать о скрытой душевной гармонии воина, его богатом нерастраченном эмоциональном потенциале и затаённой внутренней чувствительности. Причём эти теологические рассуждения неизменно становились всё более туманными и витиеватыми, так что к концу аудиенции несчастный викинг окончательно переставал понимать, обсуждают ли они его самого или какого-то совершенно другого человека, случайно записанного в свитки под его именем.

Впрочем, жаловаться на свою горькую судьбу он перестал после того, как ему удалось краем глаза увидеть списки распределения остальных товарищей по оружию. Оказалось, что бывший суровый римский легионер уже несколько лет считался в их части рая признанным и непревзойдённым мастером художественной вышивки крестиком. Не менее колоритный пират, прошедший практически всю сознательную жизнь в кровавых портовых драках и грабежах, заслужил среди утончённых ангелов репутацию изысканного ценителя цветочных композиций и икебан. Но настоящий, неподдельный ужас, как выяснилось чуть позже, скрывался вовсе не в кружках прикладного рукоделия, а на пороге Ангельского камерного хора.

Короткая, но зловещая приписка внизу расписания без всякого смущения сообщала, что тип и тембр голоса определяются исключительно комиссией независимо от прижизненных анатомических особенностей кандидата. Генезий позднее шёпотом пояснил ему, что при возникновении райской необходимости небесная бюрократия способна десятилетиями упорно переручивать бывшего воителя с громоподобным, сотрясающим стены басом на высокий, нежный лирический тенор, терпеливо внушая ему на лекциях, что любое упрямое сопротивление внутренним изменениям лишь затягивает и усложняет процесс его собственной духовной адаптации. Где-то в дальних садах Рая уже обитал бывший крестоносец, ныне безупречно исполнявший на праздниках партию сопрано, и один только этот леденящий душу факт заставил Эйрика впервые в жизни посмотреть на свою арфу без прежней лютой ненависти.



Тягостное воспоминание рассеялось одновременно с тем, как святой Генезий точным, отточенным движением незаметно подвинул инструмент обратно к замиравшему ученику.
— Давай-ка продолжим наш урок, не отвлекайся.

— Мне всё же кажется, что для начала нам нужно вернуть мой законный топор, — предпринял последнюю попытку Эйрик.

— Если ты прямо сейчас сыграешь мне вот эту учебную мелодию без единой помарки, я лично организую масштабные поиски твоего оружия по всему сектору, обещаю.

Тяжёлый, обречённый вздох викинга заставил ощутимо дрогнуть и просесть ближайшее кучевое облако, однако спустя несколько мгновений его огромные ладони всё же послушно легли на тонкие струны. Над притихшими райскими садами медленно поплыла музыка — сперва она была робкой, осторожной и немного неровной, но затем неожиданно набрала силу, став удивительно чистой, глубокой и настолько спокойной, что сам суровый северянин после зазвучавшей последней ноты подозрительно посмотрел сначала на арфу, а затем на свои руки, словно искренне проверяя, не успели ли хитрые ангелы незаметно подменить ему и то и другое.

— Слушай... а ведь получается действительно красиво, — удивлённо пробормотал он.

Облегчение, отразившееся в этот миг на лице наставника Генезия, было таким, словно он в одиночку только что выиграл тяжелейшую многолетнюю войну.

Громоподобный, весёлый голос Одина донёсся откуда-то из-за соседних облаков гораздо раньше, чем показался его венценосный обладатель:

— Ну всё... помяните моё слово, потеряли мы человека навсегда!

Верховный бог Асгарда с комфортом восседал на соседнем золотистом облаке, по привычке сжимая в руке огромный кубок с мёдом, и взирал на происходящее с непередаваемым выражением лица старого бывалого военачальника, которому только что официально сообщили, что его самый свирепый и верный берсерк неожиданно тайно записался в городское общество любителей изящной поэзии.

— Сегодня он смущённо говорит «красиво», завтра уже сам робко попросит у учителя новые ноты, а через неделю начнёт увлечённо спорить со святыми о том, из какой именно породы дерева получают самые лучшие и звонкие арфы. Всё, Эйрик, обратной дороги в родные северные моря у тебя уже нет.

— И ничего в этом страшного нет, — благодушно отметил Николай, по-прежнему технично пряча за своей широкой спиной чужой боевой топор.

— Это для твоей епархии не страшно, — ворчливо парировал Один, делая внушительный глоток. — А мне потом как прикажешь объяснять парням в Вальгалле, по какой такой причине один из лучших и свирепых бойцов их поколения предпочёл музыкальную школу вечному и славному бою?

— Ну, возможно, человек здесь просто наконец-то взрослеет, — мягко улыбнулся Генезий.

— Это где же, интересно? В вашем Раю, что ли?

— А где же ещё, если не в обители вечного мира и покоя?

Один молча приложился к своему рогу, долго и задумчиво смотрел куда-то в бескрайнюю высь поверх сияющих облаков, а затем ещё раз тяжело, сокрушённо вздохнул:

— И всё-таки... потеряли парня...

С этими словами он неторопливо развернул своё облако и отправился обратно в родную Вальхаллу — распивать хмельные напитки и во всех красках рассказывать всем желающим эйнхериям, что их соратник Эйрик умудрился угодить в крайне подозрительную и опасную христианскую секту арфистов.

Глава 3. Это какой-то ад, а не Рай!

К тому моменту Эйрик уже начал всерьёз и со всей душой скучать по тем славным временам, когда его самой главной жизненной проблемой были воинственные саксонцы. С саксонцами всё всегда было предельно просто, понятно и честно: они внезапно появлялись на туманном горизонте, орали что-то нечленораздельное на своём гортанном языке, после чего обе заинтересованные стороны немедленно переходили к бурному обсуждению возникших разногласий с помощью доброго старого железа. При этом никто даже не пытался нудно убедить оппонента, что у боевого копья существует некая скрытая внутренняя гармония, а у тяжёлого топора — богатая и утончённая эмоциональная палитра.



Даже яростные морские штормы казались викингу куда более логичными — они могли безжалостно утопить драккар, с треском переломить мачту или в мгновение ока размазать команду о прибрежные скалы, но при этом стихия никогда не принималась занудно объяснять,

почему один звук хочет непременно разрешиться в другой и отчего этот удивительный факт должен кого-то искренне радовать.

Именно поэтому солнечное утро, начавшееся с внезапного появления святого Генезия, который буквально сгибался пополам под тяжестью огромной стопки исписанных свитков, сразу же вызвало у воина самые мрачные и тревожные предчувствия. Обычно наставник приходил либо налегке с арфой, либо с парой скромных листов пергамента, а человек, который приносит с собой бумаг гораздо больше, чем весит приличное оружие, по глубокому убеждению, Эйрика, почти никогда не собирается сообщить окружающим ничего хорошего.

До сих пор их совместное обучение выглядело вполне терпимо и даже в чём-то уютно. От Эйрика требовалось лишь сидеть смирно на облачной лавке, не дёргать хрупкие струны с таким неистовым рвением, словно он прямо сейчас свежует на скорость особенно упрямого медведя, и прилежно запоминать простые, незамысловатые мелодии, которые ангелы почему-то считали верхом прекрасного. Иногда этот процесс ему даже начинал подспудно нравиться, хотя открыто признаться в подобном позоре означало бы раз и навсегда потерять всякое уважение суровых предков.

Сегодня же в глазах Генезия ярким пламенем сиял хорошо знакомый каждому несчастному ученику огонёк, который неизменно появляется у человека, искренне и свято уверенного, что следующие несколько часов будут невероятно, потрясающе интересными... главным образом, конечно, для него самого.

Разложив принесённые свитки по столу с монументальным выражением лица великого полководца, выкладывающего перед генералами план решающей исторической битвы, святой некоторое время молча любовался произведённым сокрушительным впечатлением и лишь затем торжественно объявил, что настало долгожданное время наконец-то перейти к глубокой музыкальной теории, поскольку без чёткого понимания внутреннего математического устройства гармонии невозможно по-настоящему овладеть высоким искусством игры.

Первые несколько минут Эйрик честно слушал максимально внимательно. Он привык считать себя человеком далеко не глупым и искренне пытался разобраться в сути происходящего хаоса. Простые гаммы ещё внушали ему слабую, осторожную надежду на то, что всё это безумие действительно кому-то нужно для дела, но затем на сцене внезапно появились загадочные интервалы, после которых хрупкая надежда заметно пошатнулась. Когда же в процессе лекции выяснилось, что музыкальные тональности способны каким-то совершенно непостижимым образом плавно переходить одна в другую, сохраняя при этом строгую внутреннюю логику, викинг окончательно заподозрил существование масштабного всемирного заговора музыкантов против нормальных, психически здоровых людей.

Перед ним на столе лежал огромный лист, сплошь испещрённый непонятными кружками, стрелочками, тайными значками и перекрещивающимися линиями, число которых росло с пугающей, катастрофической скоростью. Генезий уверенно и увлечённо выводил на пергаменте всё новые и новые витиеватые схемы, попутно объясняя, почему одно строгое сочетание звуков создаёт у слушателя приятное ощущение завершенности, другое неизбежно рождает глубокое внутреннее напряжение, третье требует немедленного разрешения через каноничный переход к тонике, а четвёртое интервальное сочетание вообще нельзя опрометчиво трогать пальцами без крайне уважительной на то причины. Судя по одухотворённому выражению лица наставника, всё это было настолько просто и очевидно, что могло вызывать вопросы лишь у дремучих людей, которые по какой-то нелепой случайности не изучали законы гармонии последние несколько веков.

Для самого же Эйрика всё происходящее выглядело примерно так, словно человеку, едва пришедшему в себя после сильного и точного удара тяжёлым веслом по голове, решили немедленно растолковать фундаментальное устройство Вселенной, даже не дав ему времени хотя бы вспомнить собственное имя.



Через час непрерывной лекции он уже окончательно перестал пытаться улавливать смысл отдельных заумных слов и полностью сосредоточился на гнетущем ощущении надвигающейся ментальной катастрофы. Иногда ему на долю секунды казалось, что ускользающая суть вот-вот будет поймана, но Генезий тут же с воодушевлением произносил нечто вроде «доминантового

септаккорда» или «внезапной модуляции через побочную тональность», после чего только что возникшее призрачное понимание испуганно исчезало с такой скоростью, словно робкий заяц, случайно забежавший в голодную волчью стаю.

Наконец, святой с триумфальным видом развернул очередную сложнейшую схему и с искренним восторгом человека, обнаружившего на заднем дворе давно потерянный королевский клад, принялся увлечённо объяснять, каким именно образом один и тот же музыкальный фрагмент способен полностью, до неузнаваемости менять своё сакральное значение в зависимости от окружающего его контекста.

Именно в это мгновение Эйрик со всей отчётливостью осознал: если он прямо сейчас во всеуслышание не закричит, то, чего доброго, действительно начнёт понимать всю эту чертовщину.

Он медленно, монументально поднялся со своего места, долго и тяжело смотрел на испитые кружками листы, затем плавно перевёл взгляд на изящную арфу, после этого — на замершего в ожидании похвалы Генезия, и лишь потом высоко задрал голову к сияющим небесным сферам, словно отчаянно надеясь, что где-нибудь там, среди облаков, обнаружится трезвый человек, готовый вовремя признать происходящее чудовищной ошибкой. Не обнаружив в вышине никого, кто собирался бы немедленно броситься его спасать, викинг набрал в могучую грудь побольше воздуха и издал такой яростный, первобытный рёв, что несколько ангелов на соседнем облаке инстинктивно пригнулись, а один особенно молодой херувим машинально попытался спрятать свою миниатюрную арфу за спину, будто именно его сейчас собирались грозно обвинить во всём случившемся грехопадении.

— ДА ЭТО КАКОЙ-ТО АД, А НЕ РАЙ!!!

Эхо этого страшного, сотрясающего небеса крика ещё очень долго перекатывалось между белоснежными облаками, когда сверху внезапно донёсся отчётливый звук плохо скрываемого, заливистого смеха. На самом краю высокого золотистого облака, свесив ноги вниз, с комфортом восседал Один и с видом азартного человека, чья рискованная столетняя ставка наконец-то триумфально сыграла, неторопливо прикладывался к рогу с ароматным мёдом.

— А-а-а... — довольно и протяжно прогудел верховный бог, неторопливо вытирая намокшую седую бороду тыльной стороной ладони. — Ну наконец-то до тебя дошло, мальчик мой!

— Что именно до меня должно было дойти?! — прорычал снизу Эйрик, сжимая кулаки.

— То, где на самом деле начинаются истинные, непрекращающиеся страдания настоящего, закалённого в боях викинга.

В глазах Эйрика в этот момент появилось то самое страшное выражение человека, который готов совершить жестокое убийство прямо здесь и сейчас, даже несмотря на то, что подобная опция правилами этого святого заведения официально и технически не предусмотрена.

— Я двадцать лет без удержу ходил в опасные морские походы! — яростно перечислял викинг, загибая огромные пальцы. — Меня едва не утопили в пучине, несколько раз вешали бритты, изошрённо пытали враги, пытались подчистую зарубить в честном бою... Да я однажды целую зиму провёл на глухом ледяном острове, где мне приходилось буквально зубами драться с голодными волками за право сожрать дохлого зайца! Я пережил три страшных кораблекрушения и целый месяц кряду питался одной лишь сырой рыбой! Скажи мне, ради всего святого, почему никто из скальдов никогда не предупреждал, что самое ужасное и невыносимое испытание ждёт воина уже после его смерти, если он **ВДРУГ ПОПАДЕТ В РАЙ?!**

Один задумчиво посмотрел на массивный деревянный стол, который к этому моменту почти полностью исчез под громоздким ворохом исписанных свитков, сочувственно покачал головой и тяжело, сокрушённо вздохнул:

— Видишь ли, сынок... если бы люди заранее знали, чем именно занимаются в христианском Раю... желающих попасть туда стало бы значительно меньше. А это, как ты сам понимаешь, уже в корне нарушило бы весь грандиозный замысел здешней небесной канцелярии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.